

Вопросы газеты "Северная Осетия"

Интервью заместителя Председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации генерал армии **Куликов Анатолий Сергеевич**

1. Скоро будет вторая годовщина со дня трагедии в Беслане. Впервые в истории парламентаризма в стране создана парламентская комиссия по расследованию. Вы, как человек, который возглавлял МВД, хорошо знающий Осетию, где получили первое профессиональное образование, как один из авторитетных парламентариев России, как Вы считаете, что удалось сделать парламентской комиссии по расследованию террористического акта в Беслане?

На самом деле опыт расследования тех или иных драматических событий на территории нашей страны имел место и раньше. Вспомним расследование массовых беспорядков в Тбилиси, которое проводилось комиссией под председательством А. Собчака по постановлению Съезда народных депутатов СССР. В её составе были преимущественно депутаты союзного парламента. Это часть нашей общей истории и не будем от нее отсекаться. Другой вопрос: чрезвычайная политизация состава той самой комиссии, члены которой стремились не столь к поиску истины, сколь преследовали цель заявить личные политические амбиции или тех сил, которые они на тот момент представляли.

В ситуации с расследованием событий в Беслане дело обстоит иначе, хотя нельзя не улавливать некие сходства признаков событий, послуживших поводом для расследования. На мой взгляд, и в том и в другом случае ключевой замысел зачинщиков чрезвычайных обстоятельств заключался в дестабилизации социальной и политической обстановки в кавказском регионе, подрыве основ государственности, переделе власти и подрыве доверия населения к этой власти. Очевидно, что в первом случае (имею в виду события в Тбилиси) это удалось, смею полагать – не без прямой или косвенной помощи той самой парламентской комиссии.

Определенный опыт в практику парламентских расследований внесла и комиссия Государственной Думы третьего созыва во главе с депутатом Станиславом Говорухиным.

Что же касается комиссии под председательством заместителя Председателя Совета Федерации А.П. Торшина, которая расследует обстоятельства, приведшие к трагедии в Беслане, это другая материя. Как Вы знаете, глава парламентской комиссии периодически информирует палаты Федерального Собрания о проведенной работе, выявленных комиссией пробелах в организации управления и деятельности органов власти в тот период и, наконец, о несовершенстве законодательного регулирования противодействия терроризму. Не будучи членом этой комиссии, все же подчинюсь правилу, положенному в основу ее работы: до оглашения окончательных результатов не делать выводов по промежуточным фактам. Однако, одним из бесспорных выводов, последовавших из докладов комиссии, было указание на несовершенство законодательства.

По следам бесланской трагедии Российский Парламент принял пакет федеральных законов, в том числе, кстати, и Федеральный закон "О парламентском расследовании", который придает легитимный характер таким расследованиям и проводит необходимые разграничения между уголовно-процессуальным и парламентским расследованием, не допуская какой-либо конкуренции между ними. Поэтому, в частности, парламентское расследование прекращается, если дело по расследуемым обстоятельствам принято к рассмотрению судом. Предвижу вопрос: а как же в случае с Бесланом, где одновременно продолжает работу парламентская комиссия и идет судебный процесс. Это исключение, которое законодатель сознательно счел необходимым и справедливым для сотен и даже тысяч потерпевших, которым необходимо знать максимально полные результаты именно независимого расследования.

Как я уже сказал, пробелы в законодательном обеспечении комплекса вопросов по реагированию на чрезвычайные обстоятельства, связанные с

террористической угрозой, то, на что в первую очередь обратила внимание комиссия. Именно поэтому уже в ноябре 2004 года в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона "О противодействии терроризму", который вскоре был принят в первом чтении. Период между первым чтением законопроекта и его принятием в целом (почти полтора года) показал, насколько трудно изменить сложившиеся стереотипы, прежде всего затрагивающие сферу ответственности за принимаемые решения.

Назову то главное, что удалось сформулировать и закрепить в комплексе правообеспечивающих мер, требующих постоянной и наступательной работы в предупреждении и пресечении террористической деятельности. При этом сошлюсь на положения Указа Президента России от 15.02.2006 г. №116 и принятого с учетом рекомендаций парламентской комиссии Федерального закона от 6.03.2006 №35-ФЗ.

Самое существенное – создана государственная система управления противодействия терроризму, в которой ни один институт государственной власти не отстранен от задач в этой сфере. Это не тот случай, о котором обычно говорят: "Все – значит, никто". Соответствующие обязанности и полномочия имеют и Президент, и Правительство, федеральные органы исполнительной власти, не только силовые, но и гуманитарные, а также органы власти субъектов Федерации (главы субъектов обеспечивают руководство региональных антитеррористических комиссий).

Согласно новому Федеральному закону, борьба с терроризмом отнесена к компетенции ФСБ России. С этой целью создан Национальный антитеррористический комитет (НАК), возглавляемый по должности директором ФСБ. Президентом утверждены составы НАК, Федерального и регионального оперативных штабов. По такому же принципу организована эта работа на региональном уровне.

Почему обращаю на это внимание? Если еще недавно ФСБ реагировала только на состоявшееся ЧП, то в соответствии с новой законодательной и нормативной правовой базой эта работа выделена в самостоятельное

направление, суть которого – повседневная деятельность ФСБ по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов посредством проведения оперативно-боевых и иных специальных мероприятий.

Сообразно возложенным задачам ФСБ России наделена не только полномочиями и ресурсами, но и ответственностью. Положения о персонализации ответственности конкретных должностных лиц за принятие решений в контртеррористической операции и их результат впервые закреплены в нашем законодательстве, что, на мой взгляд, является чрезвычайно важным и приносит свой результат.

2. Не связано ли постановление Совета Федерации и поправки, которые внесены Государственной Думой в Федеральный закон "О противодействии терроризму" об использовании армии и спецслужб за рубежом, не только с гибелью наших дипломатов в Ираке, но и с внешними факторами Бесланской трагедии? Нет ли угрозы, что таким образом мы втянемся в военные действия на территориях других государств под видом борьбы с международным терроризмом?

Разумеется, взаимосвязь с названными событиями существует, хотя и не упрощенно. Напомню, что Президент России, потрясенный тем, что увидел в Беслане по прибытии на место трагедии, сделал заявление, в котором одним из наиболее заметных и впоследствии часто комментируемых был тезис о преследовании террористов в любых точках планеты, где бы они ни находились, об уничтожении как самих террористов, так и их опорных позиций и баз. Именно поэтому одним из направлений в формировании новой антитеррористической стратегии России была разработка законодательного обеспечения практического участия Вооруженных Сил в решении поставленных задач, что и стало существенной составляющей как Федерального закона "О противодействии терроризму", так и последующих дополнений, согласно которым и спецслужбы получили такое же право на соответствующие действия за пределами Российской Федерации.

Постановление Совета Федерации от 7 июля т.г., которое разрешило Президенту направлять военные формирования и подразделения специального назначения за пределы территории Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности, продиктовано необходимостью защиты прав и свобод граждан России и национальных интересов России от террористической угрозы. Эти действия соответствуют нормам международного права и отвечают реалиям времени.

Опасения, содержащиеся в Вашем втором вопросе, опровергаются тем, что для пресечения деятельности террористических организаций, находящихся или действующих на территории других государств, необходимо решение Совета безопасности ООН, которое принимается в случаях, прямо предусмотренных Уставом этой организации. Полагаю, что уроков собственной истории и современных примеров борьбы с террористическими режимами или организациями (к примеру, Афганистан, Ирак, Ливан) достаточно, чтобы взвешенно использовать такие крайние меры, как применение Вооруженных Сил вне пределов Российской Федерации.

3. Произошла страшная трагедия, погибли сотни людей. Мы и теперь задаемся вопросом: правомерно ли утверждать законопроектом недопустимость политических уступок террористам? Не это ли предопределило политическую развязку "Норд-Оста", Беслана и т.д.?

Как бы ни были тяжелы последствия упомянутых трагических событий, твердо отвечу: никаких политических уступок. Законодательство не допускает возможности не только уступок, но даже ведения переговоров по политическим требованиям. Переговоры – это инструмент политиков. Террористы таковыми не являются, поэтому закон категоричен. Национальное и международное право не рассматривает террористов как носителей политических идей. Сошлюсь на ратифицированную Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма, которая прямо указывает, что мировое сообщество не признает террористические преступления как

совершенные по политическим мотивам. Судите сами: в мире существует масса взаимных претензий различных социальных групп, целых государств друг к другу, корни которых, минуя многие поколения, уходят глубоко в прошлое. Справедливость тех или иных притязаний оценивать объективно стороны уже не могут, а их разрешение – это вопрос государства, официальных институтов власти.

Вы упомянули развязки событий в Беслане и в театральном центре на Дубровке, в процессе которых основу политических заявлений бандитов составляли требования о выводе федеральных сил из Чечни и предоставление республике суверенитета вне российской государственности. Является ли это требование выражением настроения всего чеченского народа? Население Чечни сделало свой выбор на референдуме, и этот результат является определяющим в дальнейшем строительстве внутригосударственных отношений в Российской Федерации, в которых Чечня является полноправным субъектом. А разве идея создания исламского халифата является выражением устремлений кавказских народов? Не является! Но это одна из идей, которой одержимы идеологи и наставники террористического подполья внутри России и их сподвижники за границей. В таком случае, можно ли сохранять шанс на политические уступки одной, как правило, незначительной социальной группы, какую в Вашем вопросе подразумевается – представляют террористы, в ущерб основной массе общества. К сожалению, сегодня в большинстве северо-кавказских республик оперативная обстановка характеризуется как постоянно действующая угроза террористической опасности. Легко догадаться, к чему может привести допущение возможности ведения переговоров с террористами по политическим вопросам и, тем более, политические уступки.

Личный опыт участия в контртеррористических операциях подсказывает мне, что никакие уступки не гарантируют милосердия варваров

к их жертвам и не являются окончательными, а только порождают новые требования преступников.

К сожалению, напрашивается еще один вывод. Мне уже приходилось высказываться таким образом, что международный терроризм становится инструментом современной войны. Анализируя подобные события в нашей стране и за рубежом, все чаще задумываюсь о новых свойствах и способах реализации террористических угроз и утверждаюсь в мысли, что мы присутствуем на театре военных действий третьей мировой...

4. Следствие по терактам (мы знаем по опыту) ведется, как правило, на базе произведенного террористического преступления, в то время как самим преступлениям предшествует пособничество, информационная или финансовая подпитка терроризма. В этой связи, не следует ли ввести новые положения в Уголовный Кодекс Российской Федерации?

Совершенно верно. Все деяния, что Вы назвали предшествующими теракту, являются содействием террористической деятельности и, согласно принятым в конце весенней сессии изменениям и дополнениям в действующее законодательство, преследуются и сурово караются уголовным законом, в связи с чем в уголовное право возвращен институт конфискации. Хочу обратить Ваше внимание, что наряду с такими известными формами содействия террористам, как вербовка, финансирование и иная материальная поддержка, новый закон преследует также публичные призывы к терроризму или публичное оправдание их. Это новый состав социально опасного, противоправного деяния, которое международным правом уже давно признано преступлением. В нашем же обществе долгое время позволительно было рассуждать о бандитах как о робингудах, а в иных случаях – даже оправдывать их зверские проступки, опуская из вида, какой ценой за это "геройство" платили их безвинные жертвы.

К сожалению, в прославление террористов внесли свой "вклад" и некоторые представители медиасообщества. Хотя давно известно, что одной из целей, которые преследуют террористы, это как можно заметнее заявить о

себе в эфире или в печати. Изжить эту привычку большинству СМИ оказалось чрезвычайно трудно. Достаточно вспомнить, сколько отнюдь не "желтых" газет вышло на следующий день после ликвидации Басаева с его портретом во всю первую полосу. Национальный герой? Злодей, праху которого не должно найтись места в земле, обильно политой кровью его жертв, удостоен чести быть запечатленным печатными и электронными СМИ! Это национальный позор и оскорбление памяти погибших! Утверждаю, нарушена не только журналистская этика.

5. Почему в случае с Бесланом оперативный штаб возглавлял Андреев (начальник УФСБ по Северной Осетии – Алании), то есть руководитель территориального органа ФСБ, а в случае с "Норд-Остом" – Проничев – один из руководителей ФСБ России?

Конечно, генерал Проничев физически оказался ближе к месту захвата заложников на Дубровке, получил соответствующую команду, поэтому и возглавил оперативный штаб. Однако, как теперь говорят, я *услышал* Ваш вопрос. Несколько выше я пояснил, что одной из причин, побуждавшей к пересмотру сложившейся практики реагирования на теракты, была неопределенность в организации руководства контртеррористической операцией. Действовавший в тот период Федеральный закон "О борьбе с терроризмом" и нормативные акты в сфере контртеррористической деятельности не содержали ясных алгоритмов и указаний на конкретный орган исполнительной власти как основной субъект в сфере борьбы с терроризмом. Поэтому в Беслане, скажу прямо, сработал принцип нерешительности, выжидания. Никто, ни ФСБ, ни МВД России не взяли самостоятельно ответственности за организацию работы по пресечению теракта. В тот период, как Вы помните, Президент находился в командировке и в момент своего возвращения в аэропорту отдал необходимые поручения руководителям ФСБ и МВД. К сожалению, время было упущено.

Что касается УФСБ по Северной Осетии в период ЧП в Беслане – налицо неготовность к управлению контртеррористической операцией.

Думаю, что в рамках предписаний нового законодательства такое будет невозможно, поскольку каждый руководитель органа, уполномоченного в сфере безопасности на федеральном и территориальном уровне, исходя из неотвратимости личной ответственности, сделает все, чтобы не допустить реализации террористической угрозы или выполнить задачу по пресечению теракта, в том числе, лично возглавив управление операцией.

Вы упомянули в самом начале, что с Северной Осетией связан определенный период моей жизни. В этом году во Владикавказе с моими сокурсниками мы отметили сорокалетие выпуска на встрече с руководством и слушателями Северо-Кавказского военного института Внутренних войск МВД России, из стен которого в 1966 году вышли в самостоятельную жизнь и заступили на службу Отечеству мы, молодые офицеры. Пользуюсь случаем, еще раз хочу передать привет и поблагодарить своих наставников, а также действующий руководящий и профессорско-преподавательский состав института за полученные основы знаний в военной профессии, за воспитание патриотизма, боевого братства и традиций и за то, что всей прожитой жизнью – от курсантских до генеральских погон – мы сохранили прочную связь со своей alma mater и гордимся этим.

Многие выпускники прибыли на эту встречу с семьями. Все вместе сразу же мы посетили мемориал в Беслане и возложили венки на могилах погибших. Чувства незабываемые, очень тяжелые...

Мое отношение к Северной Осетии всегда оставалось особенно теплым не только потому, что было окрашено романтикой юношеских воспоминаний. Уже зрелым человеком по долгу службы и по жизни много раз был в Республике и всегда высоко ценил добросердечность, мудрость и такт народа, с которым теперь навсегда соединяет еще и скорбь, и боль, и память об общей трагедии.

Опубликовано в газете "Северная Осетия" 20 августа 2006 г.